

О ЖАНРОВЫХ ГРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Аннотация. Предметом исследования в статье является отечественный альтернативно-исторический роман. В процессе анализа различных дефиниций данного жанра выделяются его обязательные и второстепенные элементы, отмечаются связи альтернативно-исторического романа с историческими, псевдоисторическими и криптоисторическими романами, утопией и антиутопией. Цель статьи – в ходе исследования жанровой специфики отечественного альтернативно-исторического романа определить его отличие от родственных жанров, а также сформулировать критерии, позволяющие отнести то или иное произведение к альтернативно-исторической фантастике.

В ходе анализа романов В. Аксенова «Остров Крым», В. Рыбакова «Гравилет „Цесаревич“» подчеркиваются связи альтернативно-исторического романа с утопией и антиутопией, с которыми его сближает установка на разработку новых социальных моделей. Наличие утопических и антиутопических элементов является неслучайной особенностью альтернативно-исторического произведения, однако если вымышленный мир антиутопии отражает планируемую перспективу развития реальной действительности, то мир альтернативный – параллелен по отношению к нашему. Вопрос об отличиях альтернативно-исторического романа и криптоистории рассматривается в контексте разного отношения к достоверности изображаемой истории и разной хронологической структуры. Анализ жанровой специфики романов В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» и диалог С. Лукьяненко «Черновик», «Чистовик» позволяет прийти к выводу, что современная фантастика тяготеет к мета-жанровости, в частности, к интеграции с жанрами массовой литературы: детективами и шпионскими боевиками. Сдержательный подход, заключающийся в сопоставлении сюжетов, не позволяет установить четкие критерии разграничения исследуемых жанров, в отличие от методики, основанной на исследовании способов организации вымышленного пространства.

Обращение к теме контрфактического моделирования истории может быть интересным в контексте проведения интегрированных уроков литературы и истории, в ходе которых историко-фантастическую литературу можно сопоставить с классическими историческими романами и реальными архивными документами.

Ключевые слова: альтернативно-исторические романы; русская литература; русские писатели; альтернативная история; криптоистория; историко-фантастические романы; фантастика; метажанр.

Putilo O. O.
Volgograd, Russia

ON THE GENRE BOUNDARIES OF THE RUSSIAN ALTERNATE HISTORY NOVEL

Abstract. The object of research presented in the article is the Russian alternate history novel. In the course of analysis of various definitions of the genre, the author singles out its major and minor elements, links between the alternate history novel and historical, pseudo-historical and crypto-historical novels, utopia and dystopia. The purpose of the article is to determine the differences between the Russian alternate history novel and the related genres in the course of the genre specificity study, as well as to formulate the criteria for identification of a particular work as alternate history fiction.

The analysis of the novels “The Island of Crimea” by V. Aksenov and “The Gravity-spaceship Tsesarevich” by Vladimir Rybakov emphasizes the connection of the alternate history novel with utopia and dystopia: they all focus on the development of new social models. The presence of utopian and dystopian elements is an indispensable feature of the alternate history work, but if the fictional world of dystopia reflects the planned perspective of development of reality, the alternate world is parallel to ours.

The question of the differences between the alternate history novel and the crypto-story is considered in the context of different attitudes to the reliability of the depicted history and a different chronotopic structure. The analysis of the genre specificity of V. Zvyagintsev’s novel “Odysseus Leaves Ithaca” and S. Lukyanenko’s novels “The Draft Copy” and “The Clean Copy” allows one to conclude that modern science fiction tends to employ meta-genres, in particular, it shows a tendency to integrate the genres of popular literature: detective and spy fiction. The sense-based approach consisting in the comparison of the plots does not allow establishing clear criteria for delimitation of the genres under study – in contrast to the methods based on investigation of the ways of fiction space organization.

The topic of counterfactual modeling of history may be interesting in the context of integrated lessons of literature and history, in the course of which alternate history science fiction can be compared with classical historical novels and real archival documents.

Keywords: alternative historical novels; Russian literature; Russian writers; alternative history; crypto history; science fiction novels; fantasy; meta-genre.

Для цитирования: Путило, О. О. О жанровых границах отечественного альтернативно-исторического романа / О. О. Путило // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 181–186. DOI: 10.26170/FK19-04-23.

For citation: Putilo, O. O. (2019). On the Genre Boundaries of the Russian Alternate History Novel. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 181–186. DOI: 10.26170/FK19-04-23.

Подлинную популярность жанр альтернативно-исторического романа приобрел в начале 1990-х годов, во время, когда расцвет фантастики призван был «смоделировать более благоприятную, интересную, красивую альтернативную историю, в которой России как государству

и русским как нации уготована лучшая роль, чем в объективной реальности» [Рыльщикова, Худяков 2011: 37]. Немаловажную роль сыграло и ослабление позиций каноничной science fiction – единственно признанной в СССР разновидности рациональной фантастики.

Жанр альтернативно-исторической фантастики имеет много общего с историческими, псевдоисторическими, криптоисторическими романами, утопией и антиутопией, поэтому вопрос определения принадлежности того или иного произведения к альтернативно-исторической фантастике весьма спорен: «на основе различных типов фантастических посылок были созданы ретро-детектив, криптоисторический и альтернативно-исторический романы» [Лобин 2018а: 20].

Цель статьи – в ходе исследования жанровой специфики отечественного альтернативно-исторического романа определить его отличие от родственных жанров, а также сформулировать критерии, позволяющие отнести то или иное произведение к альтернативно-исторической фантастике. Методы и приемы исследования лежат в русле современной жанрологии, в которой одним из важнейших критериев определения жанра является хронотоп. Методологическую основу исследования составляют работы по теории жанра и метажанра Н. Д. Тмарченко, Н. Л. Лейдермана, Е. Н. Ковтун, А. Н. Воробьевой, А. М. Лобина, Е. И. Петуховой, И. В. Черного, Т. И. Хоруженко. В процессе выделения общих закономерностей развития жанра альтернативно-исторического романа в русской литературе необходимо и обращение к элементам компаративистики.

Сам термин «альтернативная история» неоднозначен, как правило, он предполагает попытку автора «переиграть реальный ход исторического процесса, посмотреть, а что было бы, если...» [Каплан 2001]. Karen Hellekson, автор одной из наиболее основательных работ в области исследования альтернативной истории, определяет ее как фантастический жанр, в котором история складывается иначе, чем та, что мы знаем как правду («history's turning out differently than what we know to be true» [Hellekson 2001: 1]). Похожие дефиниции дают и другие литературоведы:

«Альтернативная история – это произведения, в которых рассматриваются вероятные миры, выросшие из известных обстоятельств, после какого-то значительного или незначительного события, которое произошло не так, как в нашей реальности, и поэтому альтернативный мир начал кардинально отличаться от нашего мира» [Соболев 2006].

«Альтернативно-исторические произведения – это художественные произведения, в которых изображены возможные при определенных условиях, отличные от тех, которые имели место в реальном времени и пространстве, сценарии исторического развития прошлого. Обязательным условием для этих произведений является совпадение исторических событий до определенного ключевого момента в развитии человечества и в альтернативной истории, и в истории, которую принято считать состоявшейся в действительности» [Полищук 2017: 32].

Рассматривая в своей диссертации альтернативную историю как жанр беллетристики, А. М. Лобин отмечает, что ей присуще моделирование событий, которые «произошли иначе, чем в известной истории и повлекли за собой цепочку последовательных изменений, которые в сумме породили новую реальность» [Лобин 2018а: 21]. По мнению Лобина, дополнительной чертой жанра является детальное описание точки бифурка-

ции, «развилки истории», обстоятельств и причин ее возникновения, а также подробное описание альтернативного мира. Такое контрфактическое моделирование является необходимой, а иногда и главной частью содержания, более важной, чем сюжет» [Лобин 2008: 115]. Чаще всего она отстоит не так далеко от нашей современности, поскольку ближайшие события в большей степени волнуют читателей, однако существуют произведения, где точка бифуркации отнесена в далекое прошлое (как в классическом рассказе Рэя Брэдбери «И грянул гром»).

В отечественной литературе выбор точки бифуркации обычно связывается «с глобальными историческими катаклизмами, меняющими политический и социальный формат страны, общества, государства – и постмодернисты, и фантасты останавливаются на событиях русской революции, гражданской войны 1920-х годов, Второй мировой войны, восстания декабристов на Сенатской площади 1825 года, убийства Александра II» [Ащеулова 2015: 25–26]. Именно отсюда «история начинает идти путем, отличным от реально-исторического» [Новохатский 2013а: 146], эти расхождения могут варьироваться «от резкого различия до практически полного соответствия, когда на альтернативную природу художественной реальности указывают лишь некоторые детали» [Новохатский 2013а: 146].

Обобщив все определения, можно выделить следующие обязательные элементы жанра:

1. Основным допущением является альтернативный мир, обладающий собственным хронотопом, обусловленным изменением хода истории в точке бифуркации.
2. До точки расхождения история альтернативного мира полностью соответствует истории нашего мира, после – история в альтернативном мире идет по другому пути.
3. Альтернативная история – это не интерпретация известных или неизвестных нам из реальной истории событий, а кардинально новая их версия.

Альтернативный мир может строиться как «в соответствии с известными законами физического мира и формальной логики» («чистая реалистическая альтернатива») [Ащеулова 2015: 28], так и «с отступлением от законов реального мира, с допущением некоего фантастического элемента, созданием вымышленного персонажа, наделенного сверхъестественными способностями» («чистая произвольная альтернатива») [Ащеулова 2015: 28]. Во втором случае в произведение могут быть введены фантастические элементы, изменяющие ход истории, в виде машины времени или «попаданца» – «человека из будущего, попавшего в прошлое и пытающегося изменить в нем известные исторические события» [Фрумкин 2016: 22].

Ключевым отличием альтернативно-исторической фантастики от реалистического исторического и постмодернистского псевдоисторического романов становится «отношение к историческому событию, к его подлинности и истинности, к семантике документа как такового. Исторический роман не исключает авантюристности, вымысла, интриги, но не ставит под сомнение подлинность документа, значимость свершившейся истории» [Ащеулова 2015: 29]. Достаточно близко к аль-

тернативно-историческому стоит постмодернистский псевдоисторический роман: «стратегия обоих опирается на теорию возможных миров» [Ащеулова 2015: 25] и «переосмысление прошлого» [Полищук 2017: 29]. Однако в постмодернистском псевдоисторическом романе создается особый вариант истории, которому, в отличие от альтернативно-исторического варианта, присуща установка на достоверность: «Отличие от постмодернистского псевдоисторического романа в том, что последний в исторической развилке не воссоздает новый исторический вариант, модель, но дает иные смыслы уже состоявшегося и неизменного» [Ащеулова 2015: 28].

С утопией и антиутопией¹ альтернативно-исторический роман сближает общая цель – «изобразить мир таким, каким он мог бы быть при определенных условиях» [Новохатский 2013б: 73]. Установка на разработку новых социальных моделей независимо от того, демонстрируют ли они идеальное мироустройство или предлагают его критику, позволяет отдельным исследователям сделать не совсем обоснованный вывод, что «роман альтернативной истории можно определить как разновидность жанра антиутопии, в которой основным обязательным условием сюжета является введение альтернативного исторического вектора» [Осьмухина 2013: 51]. Конечно, в альтернативно-историческом романе могут быть как утопические, так и антиутопические элементы, однако для антиутопии «характерно отражение негативных тенденций настоящего в образе *будущего*» [Лобин 2018а: 20], в то время как действие альтернативно-исторического романа соотносится с *настоящим*. Вымышленный мир антиутопии отражает планируемую перспективу развития реальной действительности, мир альтернативный – параллелен по отношению к нашему.

Так, роман В. Аксенова «Остров Крым» иногда называют антиутопией, «последовательно разворачивающейся от творения к апокалипсису» [Ларионова 2017: 154]², однако, перед нами пример чистой реалистической альтернативы, в которой действие разворачивается в настоящем времени.

Точкой бифуркации становится Гражданская война: в момент штурма Красной армией Перекопа двадцатидвухлетний лейтенант английского крейсера Бейли-Лэнд «только из чистого любопытства» «отвернул исторический процесс» [Аксенов 2018: 508], в результате чего Крым стал альтернативной, несоветской Россией.

Крым предстает как «модель будущей России» [Аксенов 2018: 59], как счастливое полноценное государство, в котором все «О»кей!»: уже само его объявление с легкой руки дипломатов и жителей «островом» отсылает нас к «Утопии» Т. Мора, «утопии идеального мира» [Ларионова 2017: 154]. Однако в этом образе есть и антиутопические элементы – ведь его пространство «сакрально и inferнально одновременно» [Ларионова 2017: 152].

Остров заслуженно носит статус «подозрительного злчного места, международного притона, Эльдорадо авантюристов, шпионов», становится символом «западного разврата» [Аксенов 2018: 109]. Временами крымские пейзажи перестают походить на картины райского сада: «Сорокаметровые бетонные стены на выездах из Узла, измазанные сверху донизу всеми красками спектра, считаются даже чем-то вроде достопримечательностей столицы, чуть ли не витринами островной демократии. Впрочем, а Крыму любая стенка – это витрина демократии» [Аксенов 2018: 26], – однако эти негативные картины умело выдаются за позитивные.

Гораздо больше антиутопического в образе Советской России, пребывающей «в атмосфере тоски и отчаяния» [Козлова 2008: 75–76]. Даже Москва, где по меркам нищих провинциальных городков «всего навсего», по сравнению с Крымом – всего лишь «подобие пещерного города», над которым «бедственно угасает деревенское небо, закат прозябания, индустриальные топи Руси» [Аксенов 2018: 118].

Материковая Россия и «островной» Крым существуют в едином вымышленном альтернативном пространстве, «поглощение» Советским Союзом Крыма символизирует замещение утопического начала антиутопическим – неслучайно многие исследователи отмечали усиление в финале произведения антиутопического начала: «Создавая произведение в жанре романа альтернативной истории, Аксенов уходит от антиутопии в чистом виде, однако финал романа, повествующий о военной операции по присоединению Крыма к СССР, антиутопичен» [Осьмухина 2013: 52].

Встречаются в альтернативно-исторической фантастике и романы с преобладающим утопическим началом, самым показательным из которых является «Гравилет „Цесаревич“» В. Рыбакова. В нем «тоска по былому, по временам империи» [Петухова 2003: 22] реализуется в виде «мощного государства, обеспечивающего политическую стабильность и экономическое процветание» [Лобин 2018б: 179]. В альтернативном мире «Гравилета» Россия не прошла через череду глобальных конфликтов, она не противостоит западным державам, более того – активно сотрудничает с ними в процессе постройки линии гравитаторов до Марса, призванной подчеркнуть плюсы мирового единства, потому что «все страны при полетах должны пользоваться общей сетью... <...> Даже при конфликтах никому в голову не придет нанести ей ущерб – сам пострадаешь ровно в той же степени, что и противник» [Рыбаков 2018: 277].

Сложнее всего провести границу между альтернативно-историческим романом и криптоисторией, о близости которых свидетельствует ироничное замечание фантаста Е. Лукина: «Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (ее мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши все, как было, и получится альтернативная история. На худой конец – криптоистория» [Лукин 2012: 286].

¹ Антиутопия и утопия – явления «одной жанровой природы при всей разности их структур и принципиально различных толкований своего главного предмета – идеального мироустройства (утопия) и его критики во имя того же мироустройства (антиутопия)» [Воробьева 2009: 3].

² Некоторые исследователи считают, что роман «написан на пересечении жанров антиутопии и альтернативной истории» [Чернышенко 2007: 19]. На наш взгляд, преобладающим здесь является альтернативно-историческое жанровое начало.

Ключевое отличие двух жанров заключается в разных подходах к описанию исторических событий: «Фантастические произведения в жанре криптоистории описывают негласную подоплеку реальных событий (всего лишь неизвестные стороны общеизвестных фактов), а альтернативная история описывает якобы свершившиеся последствия вымышленных фактов» [Соболев 2006]. Оба жанра обращаются к историческому допущению, которое в криптоистории выстраивается как условность первого типа, то есть предполагает «альтернативные трактовки исторических фактов, **не затрагивая целостность объективного исторического процесса**. В романах писателей-криптоисториков происходят события зачастую совершенно невероятные, но... в принципе, допустимые, ибо никак не меняющие известную нам историю» [Лазарева 2007: 107]. Криптоистория ориентирована на правдивость, и задача авторов подобных произведений – убедить читателей в достоверности предлагаемых им материалов [Новохатский 2013б: 72]. В то же время альтернативная история основывается на допущении условности второго типа, **«не претендует на достоверность, изначально является вымыслом** и основывается на принципе многомерности миров, в которых история развивается различным путем» [Новохатский 2013б: 72].

Обычно действие криптоистории разворачивается в знакомой нам реальности, где изображаются «малоизвестные события, которые остались „за кулисами“ современной историографии» [Полищук 2017: 32], и не требует наличия параллельных миров. По мнению К. Еськова, криптоистория – «литературный извод конспирологии», где «миром рулят те, кому положено: древние магические капитулы, мировое правительство, спецслужбы» [Еськов 2003]. То есть криптоисторический дискурс «основан на представлении о тайных, сверхъестественных силах, управляющих историческим процессом. В широком смысле крипто- (т. е. скрытая) история нацелена на выявление тайных причин известных исторических событий» [Лобин 2010], в то время, как «дискурс альтернативно-исторический исследует несбывшиеся, но в принципе возможные, варианты истории» [Лобин 2010].

Ключевой характеристикой криптоистории является тайна, раскрытие которой составляет основную сюжетную линию. Однако стоит заметить, что такого же рода коллизия лежит в основе шпионского боевика или детектива, черты которого могут присутствовать в классическом альтернативно-историческом романе: «в романе, определяемом как „альтернативная история“, легко выделяются сюжетные и стилистические элементы детективного, шпионского, военного, приключенческого и других жанров» [Лобин 2008: 9].

Это сильно осложняет разграничение двух жанров, о чем наглядно свидетельствует попытка А. М. Лобина определить жанровую принадлежность романа В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку». В статье «К вопросу о типологии беллетристики: жанровая модель современного историко-фантастического романа» (2010) это произведение сначала предстает как пример **криптоистории**, где «субъектом воздействия на историю выступают те самые нечеловеческие силы (пришельцы, демоны, тайные общества), обладающие, соответственно,

сверхчеловеческим знанием и могуществом, а на долю главных героев выпадает роль сопротивления им» [Лобин 2010], а чуть позже упоминается в контексте разговора об органично сочетающейся черты утопии и антиутопии разновидности **альтернативно-исторических романов**, в которой, «как правило, представлено несколько параллельных миров с разными вариантами истории», а герои «принимают активное участие в формировании „развилки“». Сюжет их также основан на модели фантастического боевика» [Лобин 2010].

Своя «тайная» движущая историю сила» [Лобин 2008: 115] – загадочная пандемия агрессии, вызванная влиянием кристалла – действует и в классическом альтернативно-историческом романе В. Рыбакова «Графилет „Цесаревич“» (1992). Еще одним примером такой метажанровости является цикл Хольма ван Зайчика¹ «Евразийская симфония (Плохих людей нет)» (2000–2005), каждая часть которого является отдельной детективной историей, о чем свидетельствуют как их заглавия («Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве» и т. п.), так и профессиональный статус главных героев – сыщиков Багатура Лобо и Богдана Руховича Оуянцева-Сю.

Интеграция криптоистории и альтернативно-исторической фантастики с детективом или шпионским боевиком затрудняет демаркацию этих жанров. Пытаясь обозначить эту границу, А. Лобин отмечает, что в альтернативно-историческом романе В. Рыбакова «Графилет „Цесаревич“» детективная линия повествования откровенно слаба и лишь снижает «динамику» сюжета [Лобин 2008: 93]. В то же время диалогия С. Лукьяненко «Черновик», «Чистовик» определяется им как криптоистория, поскольку здесь «главный фантастический элемент – это не множественность параллельных миров, а наличие в них функционалов – людей, <...> обладающих сверхчеловеческими способностями» [Лобин 2008: 62] и представляющих тайную силу, оказывающую воздействие на развитие всех миров.

Тем не менее, все обязательные элементы альтернативно-исторического жанра в диалогии присутствуют. В первую очередь, это существование нескольких параллельных миров, каждого «со своей историей» [Лобин 2008: 82], точки бифуркации которых отнесены в необозримо далекое прошлое, что подтверждает, к примеру, отсутствие нефти в Верозе, свидетельствующее, что «изменения должны были произойти еще в доисторические времена. Глобальные, геологические» [Лукьяненко 2018б: 166]. Однако при этом отсутствует ряд вторичных жанровых признаков, например, описания точек бифуркации, да и сами временные линии параллельных миров асинхронны: в Аркане время опаздывает на 50 лет, что позволяет местным обитателям учиться на чужих ошибках: «Тут ведь даже революция иначе произошла, Кирилл! Почти бескровно. Гражданской войны не было. Наша-то Земля давно использовалась для сравнения, поэтому местную революцию контролировали» [Лукьяненко 2018а: 264].

Невозможность определить принадлежность некоторых фантастических романов к конкретному жанру

¹ Совместный псевдоним Игоря Алимова и Вячеслава Рыбакова.

во многом объясняется характерным для современного литературного процесса стремлением к метажанровому синтезу¹, который проявляется в синкретизме разных жанров массовой литературы: по этой причине альтернативно-исторический роман часто реализуется как «макрожанр, могущий включать в себя элементы совершенно различных жанров: детектива, криптоистории, антиутопии, органично взаимодействующих в рамках альтернативно-исторической художественной реальности произведения» [Новохатский 2013а: 150].

Если граница между альтернативной фантастикой и утопией/антиутопией проводится относительно легко, то далеко не все романы, где в основе сюжета лежит «борьба немногих честных людей против некой тайной силы» и предпринимаются «попытки исправить или наоборот „ухудшить“ земную историю» [Лазарева

2007: 115], можно однозначно отнести к криптоистории. Для проведения четкой границы между альтернативно-историческим и криптоисторическим жанрами в большей степени стоит обращать внимание не на сюжетные особенности, а на разные подходы к организации вымышленного пространства. В классической криптоистории действие разворачивается на нашей планете, в рамках реальной исторической линии, а в альтернативной истории описываются параллельные миры со своими временными линиями, отличающимися от знакомого нам хода истории.

Однако в отношении отдельных романов (например, упомянутых выше цикла В. Звягинцева и дилогии С. Лукьяненко) справедливой выглядит идея их определения в рамках более широкого понятия, объединяющего и альтернативно-исторический жанр, и криптоисторию, иначе говоря – как «современного историко-фантастического романа», объектом изображения которого «становится не космос и не морские глубины, а возможная или тайная история человечества» [Лобин 2008: 7], основанная на определенном историческом допущении.

¹ Т. И. Хоруженко в своем диссертационном исследовании определяет метажанр «как общую художественную структуру группы текстов, в которой выделяется ряд обязательных устойчивых элементов поэтики, и которая отвечает массовому запросу общества на данном историческом этапе» [Хоруженко 2015: 194].

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В. Остров Крым. – М.: Издательство «Э», 2018. – 608 с.
- Ащеулова И. В. Русская постмодернистская историческая проза в контексте современной русской культуры // Язык и культура: сборник статей XXV Международной научной конференции, посвященной Году культуры в России / отв. редактор С. К. Гураль. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. – С. 23–31.
- Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Саратов, 2009. – 48 с.
- Есков К. Кузница и гвоздь («альтернативная история» против «криптоистории») // Консерватор. – 2003. – № 18. – URL: fan.lib.ru/e/eskov/text_0060.shtml (дата обращения: 09.01.2019).
- Каплан В. Заглянем за стенку // Новый Мир. – 2001. – № 9. – С. 156–170.
- Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, мифа (на материале европейской литературы первой половины XX в.). – М.: Издательство Московского университета, 1999. – 306 с.
- Козлова С. М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 3. – С. 73–81.
- Лазарева Т. С. Мост через реку Хрон (о жанре криптоистории) // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. – 2007. – № 3 (36). – С. 102–120.
- Ларионова М. Ч., Горницкая Л. И. «Остров Крым» В. Аксенова: география в контексте мифа // Крым и южные рубежи России: сборник научных статей / отв. ред. С. И. Лукьяшко. – Ростов н/Д.: Издательство ЮНЦ РАН, 2017. – С. 148–155.
- Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
- Лобин А. М. К вопросу о типологии беллетристики: жанровая модель современного историко-фантастического романа // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2010. – № 3. – С. 95–102. – URL: elibrary.ru/item.asp?id=18311675 (дата обращения: 07.01.2019).
- Лобин А. М. Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала 21 века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Саратов, 2018а. – 51 с.
- Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. – Ульяновск, 2008. – 132 с.
- Лобин А. М. Утопические проекты истории России в современной исторической беллетристике // Научный диалог. – 2018б. – № 10. – С. 171–183.
- Лукин Е. Вранье, ведущее к правде // С нами бот: сб. – М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – С. 269–295.
- Лукьяненко С. В. Черновик. – М.: Издательство «АСТ», 2018а. – 352 с.
- Лукьяненко С. В. Чистовик. – М.: Издательство «АСТ», 2018б. – 352 с.
- Новохатский Д. В. Альтернативно-историческая природа романа Роберта Харриса «Фатерланд» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2013а. – № 4 (263). – С. 143–151.
- Новохатский Д. В. Жанровый статус художественной альтернативной истории // Література в контексті культури. – 2013б. – № 23 (2). – С. 70–78.
- Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 50–58.
- Петухова Е. И., Черный И. В. Современный русский историко-фантастический роман. – М.: Мануфактура, 2003. – 132 с. – URL: www.rulit.me/books/sovremennyyj-russkij-istoriko-fantasticheskij-roman-get-504772.html (дата обращения: 07.01.2019).
- Полещук О. Л. Теоретико-литературные аспекты альтернативно-исторических произведений // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2017. – № 2 (7). – С. 28–36.
- Рыбаков В. Гравилет «Цесаревич». – М.: Издательство «Э», 2018. – 576 с.
- Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // Lingua mobilis. – 2011. – № 7 (33). – С. 34–39.
- Соболев С. Альтернативная история: пособие для хронохичайкеров. – Липецк: Крот, 2006. – 232 с. – URL: samlib.ru/r/recensor/6litobr.shtml (дата обращения: 07.01.2019).
- Теория литературных жанров: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2012. – 253 с.

- Фрумкин К. Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 17–28.
- Хоруженко Т. И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: дис.... канд. филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2015. – 217 с.
- Чернышенко О. В. Романы В. П. Аксенова: жанровое своеобразие, проблема героя и особенности авторской философии: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.01.01. – Краснодар, 2007. – 26 с.
- Helleson K. The Alternative History: Refiguring Historical Time. – Kent, Ohio: The Kent State University Press, 2001. – 128 p.

REFERENCES

- Aksenov, V. (2018). *Ostrov Krym* [The Island of Crimea]. Moscow, Izdatel'stvo «E». 608 p.
- Ashcheulova, I. V. (2015). Russkaya postmodernistskaya istoricheskaya proza v kontekste sovremennoi russkoi kul'tury [Russian Postmodern Historical Prose in the Context of Modern Russian Culture]. In Gural', S. K. (Ed.). *Yazyk i kul'tura: sbornik statei XXV Mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi Godu kul'tury v Rossii*. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, pp. 23–31.
- Chernyshenko, O. V. (2007). *Romany V. P. Aksenova: zhanrovое svoeobrazie, problema geroya i osobennosti avtorskoi filosofii* [V. P. Aksenov's Novels: Genre Originality, the Problem of the Hero and Features of the Author's Philosophy]. Avtoref. dis.... kand. Filol. nauk. Krasnodar. 26 p.
- Es'kov, K. (2003). Kuznitsa i gvozd' («al'ternativnaya istoriya» protiv «kriptoistorii») [Forge and Nail ("Alternative History" vs "Crypto-History")]. In *Konservator*. No. 18. URL: http://fan.lib.ru/e/eskov/text_o060.shtml (mode of access: 09.01.2019).
- Frumkin, K. G. (2016). Al'ternativno-istoricheskaya fantastika kak forma istoricheskoi pamyati [Alternative Historical Fiction as a Form of Historical Memory]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. No 4, pp. 17–28.
- Helleson, K. (2001). *The Alternative History: Refiguring Historical Time*. Kent, Ohio, The Kent State University Press. 128 p.
- Kaplan, V. (2001). Zaglyanem za stenku [Let's Look Behind the Wall]. In *Novyi Mir*. No 9, pp. 156–170.
- Khoruzhenko, T. I. (2015). *Russkoe fentezi: na puti k metazhanru* [Russian Fantasy on the Way to Methagenre]. Dis.... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 217 p.
- Kovtun, E. N. (1999). *Poetika neobychnogo: khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi, mifa (na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX v.)* [Poetics of Extraordinary: Worlds of Fantasy, Fairytale, Utopia, Parable, Myth (Basing on European Literature First Half of the 20th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 306 p.
- Kozlova, S. M. (2008). Al'ternativy proshlogo i budushchego Rossii v sovremennoi otechestvennoi proze [Alternatives of the Past and Future of Russia in Modern Russian Prose]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3, pp. 73–81.
- Larionova, M. Ch., Gornitskaya, L. I. (2017). «Ostrov Krym» V. Aksenova: geografiya v kontekste mifa [The Island of Crimea by V. Aksenov: Geography in the Context of Myth]. In Luk'yashko, S. I. (Ed.). *Krym i yuzhnye rubezhi Rossii: sbornik nauchnykh statei*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, pp. 148–155.
- Lazareva, T. S. (2007). Most cherez reku Khron (o zhanre kriptoistorii) [The Bridge over the River Chron (About Crypto History Genre)]. In *Vestnik dal'nevostochnoi gosudarstvennoi nauchnoi biblioteki*. No. 3 (36), pp. 102–120.
- Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [Genre Theory: Researches and Analysis of the Rareness]. Ekaterinburg. 904 p.
- Lobin, A. M. (2008). *Povestvovatel'noe prostranstvo i magistral'nyi syuzhet sovremennoy istoriko-fantasticheskogo romana* [Narrative Space and the Main Plot of the Modern Historical Fiction Novel]. Ulyanovsk. 132 p.
- Lobin, A. M. (2010). K voprosu o tipologii belletristiki: zhanrovaya model' sovremennoy istoriko-fantasticheskogo romana [On the Typology of Fiction: a Genre Model of the Modern Historical-Fiction Novel]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. No. 3, pp. 95–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18311675> (mode of access: 07.01.2019).
- Lobin, A. M. (2018a). *Kontseptsii istorii i formy ikh khudozhestvennoi reprezentatsii v russkoi literature nachala 21 veka* [Concepts of History and Forms of their Artistic Representation in Russian Literature of the Early 21st Century]. Avtoref. dis.... d-ra filol. nauk. Saratov. 51 p.
- Lobin, A. M. (2018b). Utopicheskie proekty istorii Rossii v sovremennoi istoricheskoi belletristike [Utopian Projects of Russian History in Modern Historical Fiction]. In *Nauchnyi dialog*. No. 10, pp. 171–183.
- Lukin, E. (2012). *Vran'e, vedushchee k pravde* [Lies Leading to the Truth] // In *S nami bot: sbornik*. Moscow, Astrel', Poligrafizdat, pp. 269–295.
- Luk'yanenko, S. V. (2018a). *Chernovik* [Draft Copy]. Moscow, Izdatel'stvo AST. 352 p.
- Luk'yanenko, S. V. (2018b). *Chistovik* [Clean Copy]. Moscow, Izdatel'stvo AST. 352 p.
- Novokhatskii, D. V. (2013a). Al'ternativno-istoricheskaya priroda romana Roberta Kharrisa «Faterland» [The Alternative-historical Nature of Robert Harris's Novel "Fatherland"]. In *Visnik Luganskogo natsional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenka*. No. 4 (263), pp. 143–151.
- Novokhatskii, D. V. (2013b). Zhanrovyy status khudozhestvennoi al'ternativnoi istorii [The Genre Status of Artistic Alternative History]. In *Literatura v konteksti kul'turi*. No. 23 (2), pp. 70–78.
- Os'mukhina, O. Yu., Makhrova, G. A. (2013). Spetsifika zhanra romana al'ternativnoi istorii (na materiale otechestvennoi prozy 1990-kh – 2000-kh gg.) [Specificity of the Genre of an Alternative History Novel (on the Material of Domestic Prose of the 1990s–2000s)]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. Vol. 1. No. 4, pp. 50–58.
- Petukhova, E. I., Chernyi, I. V. (2003). *Sovremennyy russkii istoriko-fantasticheskii roman* [Modern Russian Historical Fiction Novel]. Moscow, Manufaktura. 132 p. URL: <https://www.rulit.me/books/sovremennyy-russkij-istoriko-fantasticheskij-roman-get-504772.html> (mode of access: 07.01.2019).
- Polishchuk, O. L. (2017). Teoretiko-literaturnye aspekty al'ternativno-istoricheskikh proizvedenii [Theoretical and Literary Aspects of Alternative Historical Works]. In *Vestnik Grodzenskogo dzyarzhajnaga yuniversiteta im. Yanki Kupaly. Seryya 3: Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. No. 2 (7), pp. 28–36.
- Rybakov, V. (2018). *Gravilet «Tsarevich»* [“Tsarevich” Gravity Spaceship]. Moscow, Izdatel'stvo «E». 576 p.
- Ryl'shchikova, L. M., Khudyakov, K. V. (2011). Al'ternativnaya real'nost' kak populyarizovannyi element nauchno-fantasticheskogo diskursa [Alternative Reality as a Popularized Element of Science Fiction Discourse]. In *Lingua mobilis*. No. 7 (33), pp. 34–39.
- Sobolev, S. (2006). *Al'ternativnaya istoriya: posobie dlya khronokhichkhaikero* [Alternative History: a Handbook for Chrono-Hitchhikers]. Li-petsk, Krot. 232 p. URL: <http://samlib.ru/r/recensor/6litobr.shtml> (mode of access: 07.01.2019).
- Tamarchenko, N. D. (Ed.). (2012). *Teoriya literaturnykh zhanrov: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya* [The Theory of Literature Genres: the Textbook for High School Students]. Moscow, Akademiya. 253 p.
- Vorob'eva, A. N. (2009). *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoi antiutopii* [Russian Dystopia of XX – Early XXI Centuries in the Context of World Dystopia]. Avtoref. dis.... d-ra filol. nauk. Saratov. 48 p.

Сведения об авторе

Путило Олег Олегович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград).
Адрес: 400066, Россия, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
E-mail: dolennor@rambler.ru.

Author's information

Putilo Oleg Olegovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd).